

This document is part of The Vaynakh Vault archive
You can contribute right now to the conservation of our heritage at
vayvault.com

vaynakh
the vault

Долхан Хожаев – «Чеченский волк Солтамурад Беноевский».

Часть 1

Волк - самый поэтический зверь в понятии горцев. Лев, орел изображают силу - они идут на слабого; волк идет на более сильного, чем он сам, недостаток силы заменяет отвагой, дерзостью, ловкостью; в темную ночь бродит вокруг стада, вокруг аула, откуда ежеминутно грозит ему смерть. Попав в безвыходную ситуацию, волк умирает молча, не выражая ни страха, ни боли. Эти свойства характеризуют настоящего героя по горским понятиям. В чеченской песне говорится, что волчица ценится в ту ночь, когда мать рождает чеченца. (П.К.Услар)

В невыносимые годы иноземного господства, национального унижения сколько раз взывали к памяти, к силе великих предков:

- О, Байсунгур Беноевский! Где ты?

- Повешен.

- Вара Беной-Атагинский?

- Убит.

- Ума-Хаджи и Дада Зумсоевские?

- Повешены.

- Алибек-Хаджи Зандакский?

- Повешен.

- Где ты, Чеченский волк Солтамурад Беноевский?..

...Шел 1807 год. Продолжались нескончаемые многовековые русско-чеченские войны. Отряд беноевцев возвращался домой после кровопролитного Ханкальского сражения против русских войск генерала Булгакова, пришедших с огнем и мечом на чеченскую землю. Чеченцы остановились перед одним из подъемов на отдых. Неунывающие горцы смеялись и шутили, вспоминая смешные ситуации из сражения в Ханкале. Лишь серьезный

Солумгири как всегда погрузился в думы. - Что задумался? - спросил его подошедший товарищ. Сев рядом, он настроил свой дечиг-пондар и, перебирая пальцами струны, запел звучным сильным голосом: Споем про турпала Нохчо!

*Неохотно приближаешься к старости,
Неохотно удаляешься от молодости.
Не хотите ли, добрые молодцы,
Про турпала Нохчо послушать песню?
Как искры сыплются от булата,
Так мы рассыпались от турпала Нохчо.
Родились мы в ту ночь,
Когда от волчицы родятся щенки.
Имена нам были даны в то утро,
Когда ревел барс.
Такими произошли мы от предка нашего турпала Нохчо!*

Обступившие вокруг чеченцы в восторге восклицали: "Хайт, маржа дуне я!", - салютуя выстрелами из пистолета. Разгоряченного Солумгири обнял подошедший к воинам проезжающий мимо путник: - Солумгири! Я принес тебе хорошую новость. У тебя родился сын! Солумгири выстрелил в воздух и в награду за весть отдал в подарок свой пистолет. Своего первенца Солумгири нарек Солтамурадом...

Солумгири был узденем среднего достатка. В хозяйстве имел несколько быков, верховую лошадь, пару упряжных лошадей. Две небольшие отары паслись в Белое и в местечке рядом с Бачи-Юртом. Всего в его семье было 3 сына и 4 дочери. Самым старшим сыном в семье Солумгири был Солтамурад. Младше Солтамурада на три с половиной года был Муна и на шесть с половиной лет Ханмурд. Солтамурад рос характером в отца, серьезным и ответственным. Как старший из детей, он рано уже помогал отцу в хозяйстве, смотрел за братьями и сестрами.

Мальчишеских обид не прощал, и хотя не был задирист, но когда вынуждали, дрался до конца, молча, упорно и отчаянно. Очень скоро упрямый мальчишка, которого невозможно было победить, завоевал авторитет среди сверстников. Люди рассказывают, что когда Солтамураду исполнилось тринадцать лет и беноевский отряд с другими чеченцами выступил к грузинской границе для боев с вторгшимися в Чечню русскими войсками, то к ним попытался присоединиться и Солтамурад.

Воины, сказав, что он еще мал, не взяли его с собой. Но Солтамурад тайно обошел их, и когда отряд был уже далеко от родного селения, вышел к ним навстречу. Воинам пришлось взять его с собой. В бою с царскими войсками Солтамурад получает ружейную рану в левое плечо. Таким был его первый бой с царскими захватчиками. Солтамурад с детства буквально впитывал в себя сказки и предания, рассказы стариков об исламе и

истории чеченцев, их происхождении, о знаменитых героях.

Как-то он спросил у своего отца Солумгири, откуда происходят чеченцы. Отец после некоторых раздумий ответил: "Люди рассказывают по-разному, но я расскажу тебе только то, что слышал от ученых мулл (а они читали в старинных чеченских хрониках, написанных на арабском языке). Говорят, что общий предок всех нохчий был потомком пророка Мухаммеда. Это был Сайд-Али аш-Шаами из царского рода. Он являлся правителем страны Шам и носил титулы "шахин-шах" (царь-царей) и "сейсдуль умараи султану салатини" (князь правителей и властелин властителей). Этот Сайд-Али был 107-м потомком родоначальника всех людей пророка Адама. Брат Сайд-Али Гази-Хамзат правил в Нахчуване. У Сайд-Али было три сына: Абулхан, Рашидхан и Хамзатхан.

После смерти их отца в 70-м году после смерти пророка, да будет над ним всегда благодать Всевышнего, их царская власть перешла в руки людей неправедных, а престол их отца занял Омар Бен Хасан аш-Шаами. Братьям пришлось бежать в Нахчуван, они ушли в Каглазман, где жили родственники их отца, в том числе их дядя Гази-Хамзат. Там прожили десять лет. В этом городе смерть забрала их младшего брата Хамзатхана. Оттуда братья ушли в Арзуман, где умер Рашидхан, а оттуда в город Халаб. В этом городе остался жить сын Рашидхана. Далее они по берегу моря пришли в страну абзексов, где сын Абдулхана женился на дочери абзекского князя Сурхи.

Затем после ссоры с абзекскими князьями переселились на реку Басхан, где построили башни, а оттуда переселились в Нашху. В Нашхе от них образовалось 13 тейпов. Уже из Нашхи нохчий стали расселяться по всем направлениям. Предок беноевцев Биан через Аргунское ущелье, где было основано поселение Оргун с башнями, через Тевзанае пришел сюда и основал селение Бена. Я назову тебе имена наших предков, но не могу тебе сказать, точно ли я запомнил их и всех ли перечислил. Моего отца, т.е. твоего деда звали Тур, его отца Оьлкьа, затем Мохьмад, Юьрташ, Юбайд, Элдар, Жоба (этот Жоба является родоначальником нашего рода - гара Жоби-некье), Бахьанда, Йовта, Хурсул (Хурсул принял ислам), Тур, Биан (основатель Беноя), Ал (Эл), Ул, Уз, Иамирхан. А далее имена предков я точно не припомню: то ли Оргун, его отец Сайдхан и его дед Абулхан (сын Сайд-Али аш-Шаами). Люди по-разному говорят.

У беноевцев девять родов-гаров. Люди одного гара считаются родственниками. Эти гары таковы: Жоби-некье, Уонжби-некье, Иасти-некье, Ати-некье, Чупал-некье, Очи-некье, Довьши-некье, а также Эди-некье и Гуьржмахкахой. Все мы - беноевцы - тайповые братья и равны между собой. Мы всегда помогаем друг другу и защищаем друг друга. Над нами шутят люди из окружающих селений, называя нас, "большегоими беноевцами", потому что у нас очень много людей крупного телосложения. Люди уважают нас за бесхитрость, прямоту, верность слову и бесстрашие. Наш тайп самый сильный и многочисленный в Чечне. Мы чистые чеченцы. Может быть, потому что чеченцы происходят из царского рода, они не признают князей и власти над собой. Все чистые

чеченцы называют себя "оьзда нах" - узденями, т. е. свободными и благородными людьми". Солтамурад хорошо запомнил слова отца.

В 19 лет Солтамурад женился. У него родились три сына - Туьршил, Демилха и Тлема. Со своими братьями Мукой и Ханмурадом Солтамурад участвует в боях чеченцев против войск Ермолова.

Солтамурад вместе с другими беноевцами воевал под знаменами имамов Авко из Герменчука и Мухаммада. Как и другие, восхищался бесстрашием и удалью предводителя Чечни Таймин Биболата. Наступило перемирие в русско-чеченских войнах. Но это затишье было предгрозовым. С 1828 года в горном Дагестане начинается новое движение под руководством имама Гази-Мухаммеда из аварского селения Гимры.

Весной 1830 года это движение начинает охватывать всю Чечню. Беноевцы, селение которых посещал со своими проповедями Гази-Мухаммед, были увлечены обаянием нового имама и последовали за ним. Беной стал опорой имама в Чечне. Шли жестокие сражения с царскими войсками. Сплоченные единым порывом чеченцы и дагестанцы наносили поражения, русским, захватывали укрепления. 1 ноября 1831 года конница Гази-Мухаммеда ворвалась и частично сожгла Кизляр. Солтамурад был в первых рядах мюридов.

Весной 1832 года под Гудермесом в конном бою чеченцы разбили наголову гребенской казачий полк. Две трофейные царские пушки по приказу имама Байсунгур и Солтамурад со своим отрядом увезли в Беной. Еще в то время в Беное, бывшем опорной базой движения последователей имама: Шамиля из Гимры, Ташу-Хаджи из Эндери и других, - он заворожено слушал проповеди тестя Гази-Мухаммеда шейха Муххаммеда ал-Яраги, просто и доходчиво раскрывающего перед душами правоверных таинства ислама. Летом и осенью 1832 года войска генерала Розена прошли по Чечне, оставляя за собой смерть и разрушения. После ожесточенного сопротивления беноевцы отошли в леса. Войска барона ограничились сожжением Беноя и других чеченских селений и проследовали маршем в горный Дагестан, преследуя имама Гази-Мухаммеда. 17 октября 1832 года последняя крепость имама аул Гимры была взята штурмом, а Гази-Мухаммед героически погиб, пронзенный царскими штыками. Тяжелораненый Шамиль сумел пробиться через окружение. В январе 1833 года имамом Дагестана был провозглашен в ауле Гоцатль соратник Гази-Мухаммеда Хамзат-бек.

Другой соратник Гази-Мухаммеда Ташу-Хаджи Эндерийский в 1834 году ушел в Чечню. По приезду в Беной он остановился в доме отца Солтамурада Солумгири, с которым у него завязалась большая дружба. Жители Беноя по достоинству оценили ученость, ум, святость и мужество шейха Ташу-Хаджи. Вскоре у шейха Ташу-Хаджи (ученика шейха Мухаммада ал-Яраги) появилось много приверженцев и мюридов среди ичкерийских чеченцев. Солумгири и его сыновья прилагали все усилия для выполнения поручений шейха Ташу-

Хаджи. Уже в августе 1834 года царское военное командование обращает внимание на деятельность Ташу-Хаджи. 19 сентября 1834 года был убит кровниками имам Дагестана Хамзат-бек. Через несколько дней имамом Дагестана был избран в ауле Гоцатль Шамиль.

Тем временем Ташу-Хаджи со своими сподвижниками все более распространял свое влияние в Чечне. Уже 12 - 15 июня 1835 года произошли бои между отрядами подполковника Пулло и имамом Чечни Ташу-Хаджи на Аргуне. Солтамурад с другими беноевцами неизменно сопровождали почти во всех походах Ташу-Хаджи. В том же году Ташу-Хаджи признал Шамиля имамом и стал наибом Шамиля в Чечне. В 1836 году на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, началась эпидемия холеры, длившаяся до 1840 года. Солтамурад в составе отряда Ташу-Хаджи с февраля 1836 года участвовал в походе в горный Дагестан, где Шамиль подчинил себе многие селения. В 20-х числах августа 1836 года, Пулло с царским отрядом быстрым маршем прошел до с. Зандак. Аул был сожжен после боя. На призыв о помощи сошлись ополченцы из окрестных селений. Подошедшие беноевцы и жители других аулов во главе с Ташу-Хаджи вынудили царский отряд отступить.

В 1837 году в конце февраля - начале марта враг вновь вторгся в Ичкерия. 1 марта произошел бой у с. Алерой между отрядом соратника Ташу-Хаджи Уди-муллы и войсками генерала Фези. Из Чечни генерал Фези продолжил поход в Дагестан против Шамиля. 7 июля 1837 года у Тилитля Шамиль заключил с Фези перемирие. Но перемирие это было недолгим. Уже в августе произошло между ними новое сражение. В этом же году состоялось событие, вызвавшее много разговоров в горах. Это был приезд на Кавказ русского царя. 7 октября 1837 года император Николай I прибыл в Тифлис. Посещение Кавказа русским царем означало переход к более жесткому и быстрому введению русских колониальных порядков. Так и получилось. Назначенный 30 ноября командиром отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин по указанию царя начинает на оккупированной территории вводить русское управление.

В 1838 году траур опустился на мусульман Дагестана и Чечни. Умер святой эфенди из с. Яраги Кюринского ханства Мухаммед. В 1839 году в связи с вводом в плоскостной Чечне русского управления начинаются волнения среди равнинных чеченцев. По поручению своего мюршида Ташу-Хаджи (или как называли его чеченцы Воккха-Хьяьжа (старший Хаджи), Солтамурад, Байсунгур и другие ездили по селениям Чечни, призывая людей к газавату. Одновременно Ташу-Хаджи разрешал возникшие тяжбы между жителями Ичкерии. Разрешая возникший между беноевцами спор по поводу желанья некоторых беноевцев разделить урочища между фамилиями, шейх постановил, что урочище Беной-Ведено должно быть в неразделенном пользовании аула на том основании, что расчищенная поляна очищена из под общебеноевского леса.

В апреле 1839 года у с. Мескеты и с. Саясан чеченцы по приказанию Ташу-Хаджи строят деревянные укрепления. Но в мае 1839 года поход генерала Граббе расстраивает планы

Ташу-Хаджи, готовившегося пойти для совместных действий с Шамилем в Дагестан. Укрепления горцев были уничтожены. После боя 10 мая 1839 года Ташу-Хаджи отступил с семьей в с. Беной. Как писал Граббе, он собирался двинуться дальше "в самый центр земли ичкеринцев (самого сильного и воинственного чеченского племени) к главному их аулу Беной, наиболее содействовавшему замыслам Ташу-Хаджи". Однако Граббе, не рискнув пойти в леса верхней Ичкерии, повернул в Дагестан против Шамиля.

13 июня 1839 года генерал Граббе начал осаду резиденции Шамиля Ахульго. До 22 августа продолжалась героическая оборона Ахульго. Потеряв множество солдат и офицеров, Граббе взял этот бастион дагестанских горцев. Но Шамиль с семьей и семью соратниками сумел спастись и, преследуемый всеми, пробраться в Чечню. В Чечне Шамиль остановился на три дня в с. Даттах, где в благодарность Всевышнему за его спасение жители зарезали быка. Из Даттаха шейха Шамиля и его людей забрал в Беной его кунак Байсунгур. Об этом М.Н. Чичагова писала: "Жители этого аула (Беной. - Д. Х.), окруженного лесными делями, всегда отличались непокорностью и не скрывали своей ненависти к русским. Они охотно оказали гостеприимство Шамилю" (Шамиль на Кавказе и в России. Спб., 1889.г., с. 59). В Беное же в это время в доме Солумгири находился чеченский наиб Шамиля шейх Ташу-Хаджи. Беноевцы оказали мюридам и Шамилю большое уважение. Здесь, в Беное, после двадцатого числа месяца раджаб (сентябрь 1839 года) родился сын Шамиля Мухаммад Шапи. На 7-й день после его рождения в честь Мухаммада Шапи было зарезано жертвенное животное. Тут, в Беное, Шамиль, Ташу-Хаджи, Байсунгур, Солтамурад, подъехавшие сюда Магомед-Хаджи из Герменчука, Шуаип-мулла из Центороя, Джаватхан из Дарго и другие обговаривали дальнейшие планы действий. Шамилю было тесно в Ичкерии, которая находилась под влиянием Ташу-Хаджи.

Беседуя с учеными мужами из Беноя, Шамиль, узнав гордый и независимый нрав беноевцев, понял, что перед ним здесь не будут слепо преклоняться и он может не сойтись с ними характером. Он решает переехать в другое место, туда, где Ташу-Хаджи имел меньшее влияние. Кроме того, ему нужно было поближе познакомиться с Чечней. Перед новолунием месяца шабан Шамиль выехал с Магомедом-Хаджи, Ташу-Хаджи, семьей и мюридами в Ведено и, оставив там семью, с Шабаном из Гушкорта отправился к нему домой, в Шатоевское общество, куда потом перевезли и его семью.

Экспедиций, генерала Пулло для поддержания русского управления в декабре 1839 года и январе 1840 года и начавшееся разоружение чеченских плоскостных аулов, когда Пулло потребовал выдать по одному ружью с каждых десяти домов, затронули широкие слои чеченского народа. В то же время войска генерала Пулло подошли вплотную к Беною, но ополчение заставило их отойти. Русские сожгли беноевский хутор Гуьржийн Мохк, а также соседние аулы Зандак-Ара и Гендерген и отступили. В готовой взорваться Чечне нужна была лишь личность, способная объединить разрозненные общества Чечни. И взоры чеченских вождей обратились к умному и храброму имаму Шамилю.

Чеченские соратники Шамиля всячески способствовали поднятию авторитета имама и призывали народ к газавату. В марте 1840 года на верность имаму в Урус-Мартане присягнули делегации почти всех обществ Чечни: Аух, Ичкерия, Мячик, Качкалык, округ Шали (Большая Чечня), Гехи (Малая Чечня), Шатой, Нашха, Чеберлой, Карабулак. Вся Чечня встала на защиту своей независимости. В июне против русского владычества восстали надтеречные чеченцы. Начались волнения и среди ингушей (назрановцев, цоринцев, галгаев и ингушей). Солтамурад, как и многие другие беноевцы, являлся приверженцем шейха Ташу-Хаджи. Солтамурад часто был свидетелем нелицеприятных оценок, которые Ташу-Хаджи в беседах давал Шамилю.

Имам Шамиль медленно, но все более отдалял от себя Ташу-Хаджи. Многие люди объясняли это тем, что Шамиль считал Ташу-Хаджи конкурентом в борьбе за имамскую должность. На это влияли, по-видимому и интриги, которые сразу же начали плестись завистниками из окружения имама и наиба. Назначение весной 1840 года такого видного деятеля, как Ташу-Хаджи, на должность простого наиба Ауховского округа уже говорило о многом. Последовавшие вслед за этим несколько открытых ссор с имамом и неподчинение приказам Шамиля вызвали то, что Ташу-Хаджи был отстранен от должности наиба. Осенью он был заменен Булатом-Мирзой. Снятие с должности шейха Ташу-Хаджи вызвало, однако, недовольную реакцию среди многих чеченцев, несмотря на большой авторитет имама Шамиля. Одна за другой к имаму потянулись делегации, пытавшиеся примирить Шамиля и Ташу-Хаджи. Ташу-Хаджи был готов помириться. Последовавшее вскоре убийство кровниками ауховского наиба Булат-Мирзы из-за казненного по его приказу ауховца вынудило Шамиля вновь назначить наибом Ауха Ташу-Хаджи.

С тамадой Беноя Байсунгуром Солтамурада связывала давняя дружба и родство. На дочери Байсунгура Мацла был женат брат Солтамурада Муна. Муна, по рассказам, был физически очень сильным человеком и храбрым воином. В схватках с царскими войсками он был ранен 12 раз. Первая его жена из очень бедной беноевской семьи умерла от болезни. Умер и трехлетний сын. Во второй раз Муна женился на дочери Байсунгура в начале 40-х годов XIX века. Рассказывают, что перед этим Муна совершил подвиг. На хребте Энгана-дукь расположились лагерем царские войска, идущие на Беной. В тот день Муна, прокравшись к белой палатке царского полковника, поджег ее, и, когда полковник выскочил из нее, Муна застрелил офицера из пистолета, прыгнул в сторону склона и покатился в обрыв. Сопровождаемый выстрелами, которые не принесли особого вреда, кроме нескольких неопасных ран, Муна спасся в лесу. После этого подвига он женился на дочери Байсунгура. Мацла умерла в 1862 году. От нее у Муны было три сына: Гарда, Гарби, Джаби и дочь Забанат. Байсунгур все время старался помочь своему зятю Муне. Солтамурад в Беное пользовался не меньшим влиянием и авторитетом, чем Байсунгур. Рассказывают, что когда нужно было назначить наиба Беноя, то Солтамурад обратился с просьбой к Байсунгуру принять на себя эту должность, так как Солтамурад

и другие не видели более подходящего на это место человека, болевшего за общее дело. Байсунгур, отказавшись от этой должности, напротив, предложил стать наибом Солтамураду. Но Солтамурад возразил, сказав, что он не доверяет до конца Шамилю. Байсунгур заметил: "А что же ты мне предлагаешь стать наибом человека, которому не доверяешь?". Разговор перевели в шутку, и должность наиба опять осталась незанятой. Уже во всех округах и обществах были назначены наибы и один лишь Беной остался без наиба. Поэтому почитаемые люди всех аулов выражали лидерам беноевцев свое недовольство. Солтамурад организовал собрание беноевцев, на котором предложил избрать наибом Байсунгура. Советуясь с собравшимися в мечети людьми, Солтамурад сказал: "Как бы там ни было, чеченцы избрали Шамиля имамом. Во всех аулах уже поставлены наибы, только наше селение осталось без наиба. Мы посоветовались и решили избрать Байсунгура. Хорошо было бы, если бы все высказались по этому поводу". Люди поддержали его. Тут же делегация беноевцев направилась к Шамилю в Дарго с просьбой назначить наибом беноевского общества Байсунгура, сына Баършкхи, а его помощником Солтамурада сына Солумгири.

С тех пор бессменным наибом Беноя был Байсунгур, а мазуном (заместителем наиба) - Солтамурад. Люди не ошиблись в своем выборе. Как и все наибы, Байсунгур и Солтамурад дали обет (тоба) на верность Иمامу Шамилю. Солтамурад полностью организовал внутреннюю жизнь беноевских селений и хуторов, занимался внедрением дисциплины, обустройством и вооружением муртазек и ополчения, исполнением приказов наиба, исполнением шариата и низамов и т. д. Беноевцы самоотверженно и бескорыстно участвовали во всех начинаниях имама, не задумываясь отдавая жизни за свободу отчизны и ислам. Жители Беноя были на самых опасных участках сражений, погибали, не требуя для себя наград и богатств. Терпя нужду и холод, беноевцы отдавали в войска Шамиля лучших воинов, сами защищали свои селения от царских войск без помощи мюридов Шамиля.

В 1841 году Шамиль вновь снял с должности наиба Ауха шейха Ташу-Хаджи, на долгое время отдалив его от дел! Вновь последователи и друзья Ташу-Хаджи, выражая недовольство смещением шейха, начала ходатайствовать перед Шамилем о восстановлении его. В составе этих делегаций были Солтамурад и Байсунгур, их друзья: наиб Шоип-мулла из Центороя, шейх Геза-Хаджи из Симсира и другие. Искреннее сожаление о том, что он явился жертвой клеветников и завистников, выражал в своих письмах к имаму и сам шейх Ташу-Хаджи. В походах и государственных заботах имам затянул примирение с Хаджи из Саясана. Но под давлением народа вновь был вынужден сблизиться с влиятельным среди чеченцев шейхом. Примирение это было окончательным, и Ташу-Хаджи завершил жизнь верным сподвижником Шамиля.

В мае 1842 года 500 чеченских всадников под командованием наиба Малой Чечни Ахверды-Магомы вместе с Шамилем ушли в поход на Кази-Кумух. Воспользовавшись их отсутствием, 30 мая генерал-адъютант П. Х. Граббе с 12 батальонами пехоты, ротой

саперов, 350 казаками и 24 пушками выступил из крепости Герзель по направлению к столице имамата, Дарго. Десятитысячному царскому отряду противостояло, по сообщению А. Зиссермана, "по самым щедрым расчетам до полутора тысяч" ичкеринских и ауховских чеченцев. Под общим командованием талантливого чеченского полководца Шоип-муллы Центороевского Байсунгур и Солтамурад организовали беноевцев на строительство завалов, засек, ям, доставку еды, одежды и военного снаряжения. Андийцам, охранявшим столицу Шамиля Дарго, было поручено Шоипом при приближении врага уничтожить столицу и вывезти всех людей в горы Дагестана. Наиба Большой Чечни Джаватхана, тяжело раненного в одном из недавних сражений, заменил его помощник Соип-мулла Эрсеновский. Ауховских чеченцев на борьбу с завоевателями поднимал их молодой наиб Улубий-мулла. Остановленные героическим сопротивлением чеченцев у аулов Белгатой и Гордали, царские войска начали отступление. Огромный урон врагу нанес отряд беноевцев во главе с Байсунгуром и Солтамурадом. Царские войска были разбиты, наголову 1 - 2 июня 1842 года и отступили, потеряв 66 офицеров и 1700 солдат убитыми и ранеными. Чеченцы потеряли убитыми и ранеными до 600 человек и захватили много трофеев и 2 пушки. Солтамурад и его брат Муна в рукопашных схватках с царскими солдатами получили ранения. Беноевцы, как и вся Чечня, праздновали победу, залечивали раны и хоронили убитых. Шоип-мулла и Улубий-мулла были награждены знаменами и орденами. Байсунгур получил медаль за храбрость. Были награждены и многие другие воины, в том числе и Солтамурад. Поощрения получили также беноевские командиры Баршкхин Бира (старший брат Байсунгура), Рамзи Тада, Болатан Тимаркъа, Мусхин Жаапар, Іемазан ТІалбиш, Хухан Іарб и другие.

После весны 1843 года умер шейх Ташу-Хаджи. С большими почестями он был похоронен в с. Саясан. Траур омрачил радость побед и освобождение Чечни и Горного Дагестана от царских колонизаторов. Этот год был особо траурным для Солтамурада. Умер его отец Солумгири. Хлопоты по внедрению в Беное принятого на съезде наибов низама - свода законов – смягчили горе Солтамурада по утрате отца. В этом году триумфальное шествие войск Шамиля завершилось освобождением большей части Дагестана от царских войск, разрушением царских укреплений, пленением солдат и офицеров и взятием многочисленных трофеев. Но уже сказывалась усталость горцев от войны. Так, весной 1843 года восстали некоторые селения Чеберлоя, отказавшись подчиниться шариату. Ни увещевания, ни угрозы имама не помогли. Тогда в дело вступили отряды дагестанских наибов с артиллерией. Восстание было жестоко подавлено. В Чечне большинство народа восприняло наказание богоотступников как должное. Но брожение в народе не прекращалось. В этом же году, летом, умер от раны один из верных сподвижников Шамиля мудир Ахвердил Мухаммед.

Не успели в имамате отпраздновать великие победы и начать устраивать внутреннюю жизнь по шариату, как сопротивление нововведениям вылилось в новую трагедию. В начале марта 1844 года был убит своими же родичами начальник Чеченской области,

командующий левым флангом Шоип-мулла Центороевский. Шоип был другом Байсунгура и Солтамурада. Они оба сильно переживали его гибель и считали его убийство коварством врагов. Разъяренный имам жестоко отомстил убийцам Шоипа. Несколько десятков мужчин-центороевцев было казнено. Окрестные селения не вмешивались в наказание центороевцев андийскими войсками. Но когда Байсунгур и Солтамурад узнали о том, что убитые исчисляются десятками, они вместе поехали к имаму с просьбой прекратить побоище. Имам приказал остановить казни. Детей Шоипа Шамиль забрал к себе в столицу на воспитание. На похоронах Шоипа собралось множество людей со всех селений Чечни и Дагестана. На могиле Шоипа в Центорое Шамиль поставил великолепный шагид (хюллам) - высокий резной шест с флагом на вершине.

В апреле и мае 1845 года в горах стали носиться слухи о готовящемся большом наступлении русских во главе с новым "полуцарем Воронцо" (наместником Воронцовым). Привычка чеченцев к постоянным тревогам смягчала беспокойство людей, но Байсунгур и Солтамурад отдали распоряжения о заготовке продовольствия и фуража, боеприпасов, а также о ремонте в окрестных лесах и горах военных баз и убежищ. Солтамурад уделил также большое внимание обучению воинскому искусству молодого пополнения. Беноевские мастера ремонтировали ружья и пистолеты, ковали новые булатные кинжалы шашки, готовили порох и отливали медные пули. В то же время среди некоторой части населения Чечни начали распространяться упаднические настроения. Байсунгур и Солтамурад отлично понимали, что эти настроения распространяют царские агенты, паникеры и трусы. Однако эти негодяи хорошо пользовались затуханием энтузиазма народа, растущим неверием в победу над русскими, постоянной угрозой царских вторжений, голода и холода. Но самым главным фактором недовольства людей было взяточничество, несправедливость некоторых наивов, судей, мулл и других представителей шариатской власти имама. Многие высказывали недовольство самим имамом, которого среди чеченцев называли "падишахом" (царем), по их мнению, якобы поощрявшим мздоимство. В народе шло брожение. Беноевцы же во главе с Байсунгуром и Солтамурадом, понимая, что раздоры в народе и отход от Шамиля приведут к общему поражению, стояли прочно на позициях борьбы за независимость Родины и религии.

В Беной в один из весенних дней пришла весть о том, что делегация от некоторых плоскостных аулов пришла в столицу Шамиля с просьбой или защитить их аулы от непрекращающихся русских набегов и разорений, или позволить им заключить с царским военным командованием мир. Байсунгур, вызвав Солтамурада, приказал срочно объявить сбор муртазек и мюридов, а также привести в боевую готовность ополчение. С беноевским отрядом наив и маазум двинулись к Дарго, чтобы поддержать имама. К Дарго все прибывали отряды наивов и толпы народа. Имам молился трое суток. в мечети. На третий день он вышел оттуда изможденный и именем Аллаха приказал палачу наказать ста ударами палок того, кто посмел ему сказать о примирении с христианами, а значит, о покорении. Это была его старая мать Баху-Меседу. Толпы людей застыли, пораженные решением имама. Палач нанес два удара старушке, которая упала

без сознания. Остальные девяносто восемь ударов принял на себя сам имам, так как он был сыном этой женщины. После истязания, встав как ни в чем не бывало, Шамиль приказал отпустить делегатов. Народ был несказанно поражен увиденным. Весть о решении имама, не жалеющего ради независимости и ислама ни себя, ни даже собственную мать, была настолько шокирующей, что люди все более утверждались в мысли, что Шамиль - святский. Авторитет Шамиля среди впечатлительных чеченцев возрос многократно. Ради справедливости и честности своих вождей, народ был готов терпеть голод, лишения, холод и смерть. Виденное поразило и Солтамурада. Уважение к Шамилю овладело с тех пор всей его сущностью.

В начале июня в горах молниеносно разлетелась весть о вторжении со всех сторон в пределы имамата бесчисленных русских войск. 3 июня в Дарго по приказу Шамиля были расстреляны пленные офицеры из русской знати. Этим шагом имам показал всем, что для него нет примирения с царским правительством. В этот же день в Беное было получено приказание для сбора 4 июня наибов в с. Алмак. Здесь на совет собрались все наибы Чечни и Дагестана. Имам поклялся, что убьет или зашьет рот тому, кто будет просить его заключить мир с русскими. Наибы все поклялись, что будут сражаться. Имам с дагестанскими наибами остался в Дагестане, а воодушевленные чеченские наибы вернулись домой, начав подготовку к встрече царских войск. Вести из Дагестана приходили неутешительные. Царские войска продвигались все дальше в горы, несмотря даже на выпавший внезапно снег и мороз.

13 числа дагестанские войска Шамиля были разбиты в Андии и разбежались. Расстроенный Шамиль, оставшись с десятком товарищей, ушел в Чеберлой (Чечню). Недобрая весть облетела Чечню. Перед лицом смертельной опасности, не сговариваясь, некоторые чеченские наибы, религиозные и общественные авторитеты съехались в Дарго. Байсунгур и Солтамурад из Беноя, Гази-шейх из Симсира, Соип-мулла из Эрсеноя, Элдар Ичкеринский, Хатат из Дарго и другие составили письмо к имаму Шамилю, в котором просили его вернуться в Дарго и возглавить сопротивление. Чеченские вожди писали: "Мы и наши жены клянемся умереть за тебя и будем служить тебе не так, как дагестанцы, которые бежали, нисколько не сражаясь".

15 июня Шамиль получил их письмо и, успокоившись, вернулся на позиции, рассылая по Дагестану письма с призывом ополчения. А 18 июня дагестанские наибы и их ополчения вновь собрались на горе Азал в Андии. Через несколько дней имам, оставив на позициях дагестанские войска, вернулся в Чечню, в Дарго, где находились чеченские наибы. Наибы искренне обрадовались приезду имама Шамиля. Шамиль заявил им о том, что останется у них, и поклялся на Коране, что он не заключит с русскими мира, кроме как на основе того, что предписывает Коран. Такую же клятву дали наибы и их ополчения. Главнокомандующим чеченскими войсками был назначен Соип-мулла Эрсеновский. Чеченцы начали рубить завалы в лесу на дороге из Андии в Дарго.

Часть 2

6 июля русские войска двинулись из Андии в Дарго. Под началом главнокомандующего М. С. Воронцова были в этом отряде 8 тысяч пехоты, 1200 кавалерии, 350 артиллеристов и 16 орудий. Уже в ночь с 5 на 6 июля по всем аулам Чечни помчались гонцы с призывом встать на защиту Родины. Байсунгур с отрядом муртазексов двинулся к Дарго. Солтамурад был оставлен в Беное для сбора ополчения и укрепления аула. Дорогу царским войскам преградили немногочисленные успевшие подойти жители ближайших чеченских селений Большое Дарго, Беной, Белгатой, Центорой, Энгеной и другие. Вместе с чеченцами был и небольшой дагестанский отряд, посланный имамом из столицы Дарго. Несколько сот чеченцев, заняв, заранее сделанные 20 завалов на больших деревьях с переплетенными сучьями, планировали пропустить царский отряд в глубь леса и начать сражение. Русские войска без выстрела заняли первый завал и бросились на второй. Тут первым выстрелом из винтовки беноевец Бештиг убил полковника генерального штаба Левисона. Началась перестрелка. Теряя раненых и убитых, царские войска шли вперед чеченцев было слишком мало, чтобы остановить их. Мюриды на отдельных участках пропускали часть отряда без сопротивления, затем отрезали его от основных сил, окружали и полностью уничтожали ружейным огнем и кинжальными атаками.

У русских был убит генерал Фок. Всего, по официальным данным, было ранено и убито 160 солдат и офицеров. Погибло также много лошадей. Сожженный по приказу Шамиля Дарго был захвачен русскими. К Дарго к Шамилю 7 июля начали стягиваться отовсюду отряды чеченских наивов. С ополчением беноевцев подошел и Солтамурад. В ночь с 7 на 8 июля Шамиль на военном совете приказал наивам устроить засаду в лесу для перехвата русского транспорта, который, по данным чеченской разведки, должен был прибыть из Андии в Дарго через два дня. Весь день и ночь воины Солтамурада рубили завалы. Самый крупный отряд ополчения составляли беноевцы.

Под началом Байсунгура и Солтамурада был пятисотенный полк ополченцев. В рядах ополченцев из Беноя и других сел было много женщин и подростков. 8 июля в местности между Белгатоем и Дарго произошел бой, в котором царские войска потеряли 187 солдат и офицеров убитыми и ранеными. В этом бою погиб молодой дагестанский наив Шамиля Хитын из с. Данухи. Было ранено несколько человек из Беноя.

9 числа 4-тысячный отряд под командованием генерала Ключки фон Кругенау по приказу Воронцова двинулся за провиантом из Дарго к дороге от Речельского перевала. К Шамилю прибыли в этот день плоскостные чеченцы. 9 и 10 июля состоялось сражение чеченцев с отрядом Кругенау. Чеченцы отрезали отдельные части от основных сил, окружали, затем уничтожали их. Мюриды стремительно атаковали русских и тут же исчезали, продолжая стрелять. Неудержимые в ярости беноевцы во главе с Байсунгуром

и Солтамурадом буквально расколошматили колонну царских войск, вырезая шашками и кинжалами из русских рядов целые подразделения. Из мертвых тел солдат на дороге нагромоздились целые завалы. Потери несли и чеченцы. Упал с оторванной рукой наиб Байсунгур. Пал со сквозной штыковой раной в грудь кадий Беноя Джонха. Пал насмерть пораженный орудийным ядром командир беноевской сотни Рамзи Ада. Разъяренные беноевцы с остервенением кидались врукопашную и резали солдат как волки, попавшие в отару овец. Раненый Солтамурад продолжал командовать беноевскими ополченцами. Русские несли огромные потери. Погибли генералы Викторов и Пассек. Количество раненых и убитых перевалило за тысячу.

Стараясь остановить возвращающийся в Дарго отряд, чеченцы продолжали ожесточенные атаки. Три пушки, большое количество провианта, оружия, вещей и денег были захвачены. Солтамурад получил еще одну тяжелую рану. Клочки изнуренного и окровавленного войска Клугенау были спасены от полного уничтожения подошедшей помощью. Разгромленный царский отряд потерял по официальным данным 1326 раненых и убитых солдат и офицеров. Солдаты назвали это сражение "сухарной оказией". Солтамурада и других раненых и убитых беноевцев отвезли домой. Остальные ушли обратно в бой.

До 20 июля продолжалось сражение в Ичкерии. Потеряв убитыми и ранеными 5 тысяч солдат, войска Воронцова были спасены подошедшим на помощь отрядом генерала Фрейтага. Горцы хоронили своих наивов Хитына из Гумбета, дылымского Хаджи-Бека, андийского Мамада, чеченских Соипа и Эльдара, многих других ученых и почетных людей Чечни и Дагестана. Имам наградил Байсунгура и Солтамурада орденами за разгром царских войск. Байсунгур был надолго выведен из строя. Обрубок левой руки долго не заживал. Всю наибскую деятельность выполняя вскоре вставший на ноги Солтамурад. Наиболее неприятно было поражение Шамиля в дагестанском с. Кутиши, когда захваченные врасплох мюриды бежали от русской кавалерии, бросив пушку и даже одежду имама и секиру его палача. В апреле 1846 года войска имамата ушли в дальний поход в Кабарду.

В это время Солтамурад и Байсунгур остались в Беное, отправив в поход несколько десятков воинов с командиром. После победоносного стремительного марша войска вернулись домой, произведя среди царского командования переполох. Выздоровевший Байсунгур вновь возглавил беноевское наибство. В 1847 году в начале весны Шамиль приказал собраться всем наивам, ученым, почетным людям и сотенным начальникам Имамата в с. Белгатой в Ичкерии. Солтамурад поехал с Байсунгуром и другими беноевцами в соседний Белгатой. Все присутствующие признали сына, Шамиля Гази-Мухаммеда наследником эмира и присягнули ему в верности.

Люди еще не успели разъехаться, а в народе уже пошли разговоры, что Шамиль передал своему сыну имамство как родовое наследство и что он заботится только о себе, чтобы

возвышаться, но нисколько не думает о Боге. Люди стали подозревать Шамиля в том, что он жаждет богатства. Секретарь Шамиля Али-Хаджи (Гаджи-Али) писал: "Через это и произошло между учеными и некоторыми наибами с Шамилем разьединенность и несогласие. Некоторые наибы и другие, искавшие власти, старались дать делам Шамиля другое направление. Все наибы начали копить богатства и убивать напрасно мусульман, не различая между дозволенным и запрещенным, между истиной и ложью. Они наружно только как бы исполняли приказания Шамиля, а в сущности старались обманывать и ниспровергнуть его. Шамиль их считал за помощников, но того не знал, что они изменники. В народе распространились притеснения, козни и сплетни, между тем, как Шамиль об этом ничего не знал, но как только замечал за наибами несправедливость какую-нибудь, то тотчас сменял их с должности. Они оклеветали перед Шамилем некоторых ученых наибов и других влиятельных лиц, истинно преданных ему, что будто бы они добиваются имамства. Шамиль верил им, удалял приближенных и сменял наибов. Однако впоследствии узнал их коварство, низкие поступки, зависть многих наибов - "доброжелателей" и противозаконные действия сыновей своих. Но это была такая болезнь, которую излечить или уничтожить не было ни средств, ни лекарств, оставалось покоряться только воле Божьей и его предопределению. С этих пор шариат наш обратился к низам (потому что толковали его каждый по-своему). Дела приняли другое направление, потому что поступки наибов были соединены с несправедливостью. Но все старания Шамиля исправить дела были тщетны. Он остался один без помощников и часто повторял слова одного арабского поэта: "Я вижу 1000 человек, строящих здание, которое может разрушить один человек! То что же, сможет построить один человек, когда сзади по тысяче разрушителей?" Итак, с этого времени дела и предприятия Шамиля были безуспешны. Во всех походах и сражениях наибы поступали по своему желанию, вопреки приказаниям" (Гаджи Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990, с. 39 - 40).

Все эти разговоры не обходили и Беной. Солтамурад обсуждал все это с Байсунгуром и просил его передать имаму, чтобы тот исправил свои ошибки, так как авторитет Шамиля в народе вновь начал падать. Байсунгур долго не мог заставить имама наедине, так как подхалимы и карьеристы постоянно обступали северокавказского эмира плотным кольцом. В конце концов раздраженный Байсунгур высказал в присутствии других все, что народ говорит о имаме, и попросил имама быть ближе к народу, не веря подхалимам. Но возгордившийся имам не воспринял слов верного наиба. После вспышки ссоры Байсунгур вернулся домой и больше решил не появляться во дворце эмира в Ведено.

Не много прошло времени, как по аулам был послан призыв Шамиля собраться для обороны дагестанского аула Гергебиль. С несколькими десятками беноевских муртазеев Байсунгур выехал в Дагестан. Солтамурад был оставлен для внутреннего управления. Через некоторое время в Беной вместе с радостной новостью об отступлении русских пришла леденящая весть о ранении и плене Байсунгура. Солтамурад, отдав распоряжения по наибству, тут же выехал вместе с братом Байсунгура Бирой и со своими братьями

Муной и Ханмурадом в Дагестан. С помощью дагестанских наибов через разведку они установили месторасположение пленного наиба. Там же они узнали, что Байсунгуру русские врачи отрезали ногу. В середине июня 1847 года раненого наиба перевели из темирханшуринского гарнизонного госпиталя в тюремный госпиталь. Вскоре Солтамураду стало известно, что в начале июля Байсунгура отправят с оказией в штаб начальника левого фланга в крепость Грозную. Оказию должна была сопровождать одна рота Буринского полка. Солтамурад принял решение отбить Байсунгура в пути. Из Беноя к нему двинулись отборные муртазеки. Вместе с ними к Солтамураду прибыл доверенный имама с деньгами для выкупа Байсунгура.

Нападение воинов Солтамурада было удачным. Одноглазый, однорукий и одноногий Байсунгур был вырван из плена. Ненависть к поработителям накопившаяся у бывшего в плену наиба, заставила его, еще слабого от ран, участвовать в обороне Салтов. Но дагестанский аул Салты после героической защиты пал. Шамиль отступил. Бесконечная война шла своим чередом.

В 50-х годах погиб в бою, врезавшись в гущу противника, командир беноевского отряда Талшиб, награжденный двумя медалями Имамата. За отрубленную с мертвого тела голову Талшиба солдаты получили награды. Видя недовольство народа, имам пытался отстоять от сплетен свое доброе имя.

В 1850 году Совет Шамиля распространил обращение к народу: "От злодеяний, которые совершали они (наибы, муфтий, кадии старейшины. - Д. Х.), я чист. Я не враждебен к населению. Я не участник тех, которые совершают насилие". Однако большинство населения, уставшее ото всего, уже не было восприимчиво к словам имама. Люди стали привыкать к несправедливости, взяткам, воровству. Народом все больше овладевало равнодушие, неверие в победу. Некоторые знаменитые наибы (Сулейман-мулла, Хаджи-мурад, Бота Шамурзаев) стали переходить на сторону русских. Многих даже мало взволновало известие о начале войны падишахов Турции, Англии и Франции против русского царя в 1853 году и прокламации союзников, призывавших горцев выступить против общего врага. Но имам Шамиль, сознавая, что более удобного момента направить ход войны в выгодное русло для него не будет, активизировал военную и внешнеполитическую деятельность.

В конце мая 1854 года в селения Чечни и Дагестана пришел приказ собрать муртазеев для похода. Тяжело болевший Байсунгур послал с отрядом муртазеев Солтамурада. Подразделениями беноевских муртазеев командовали одноглазый богатырь Мусхин Жапар и Хухан Арб. Конные отряды чеченцев поступили в распоряжение сына Шамиля наиба Гази-Мухаммеда. Кавалерия и пехота собрались в аварском ауле Зунуб-Каритля близ Караты. Всего здесь было 12 тысяч войска с 3 орудиями. Цель похода Шамиль не объявлял никому. Через три дня в начале июня войска двинулись к с. Хуштада, затем к с. Тинда, потом Цунта. Заняв башню, имам послал Гази-Мухаммеда в Кахетию, а

Данилбека с 5-тысячной пехотой послал штурмовать царское укрепление в с. Шильды, где погибло около 40 мюридов и 60 было ранено. Погиб и наиб Хаджи-Мухаммед Тиндинский. Гази-Мухаммед с 5-тысячным войском ворвался в близлежащие селения перед Шильдями. Получив на другой день предписание от имама переправиться с конницей через р. Алазань, Гази-Мухаммед, оставив конных и пеших с их наибями на дороге в Шильду, с 500 конными чеченцами ворвался в Цинандали, где захватил богатое имение князей Чавчавадзе и, взяв много добычи и пленных, возвратился обратно.

В плен попали внуки грузинского царя Георгия XIII княгини Анна и Варвара Орбелиани и 18-летняя княгиня Нина Баратова с 20 детьми, слугами и французенкой гувернанткой мадам Драисе. Солтамурад с презрением и отвращением смотрел на грабеж и на пленение женщин и детей. Он, был воин, а не мародер. В походе он был занят охраной Гази-Мухаммеда. В плен был взят и князь Чавчавадзе с его людьми. Всего пленных было взято в Грузии, по данным Мухаммеда ал-Карахи, 885 человек, сожжено 18 грузинских селений и убито более тысячи человек. Горцы в этом походе потеряли 40 человек убитыми, большинство из которых погибло при штурме Шильды, и около 60 ранеными. С богатой добычей мюриды вернулись домой. Получив свою часть добычи, вернулись без потерь и беноевцы. Пленных княгинь весной 1855 года обменяли на р. Мичик в Большой Чечне на старшего сына имама Шамиля Джамалдина. Вся Чечня и Дагестан растроганно говорили о том, что имам не сдержался от радостных слез, увидев сына-заложника. Имам женил своего сына на дочери наива Большой Чечни Талхига из с. Шали.

Но счастье изменило постаревшему имаму. Его войска терпели постоянно поражения. Наивы были заняты лишь обогащением и уже не особо горели желанием воевать. Народ был изможден войной и голодом, разуверился во всем и верил прокламациям русских. Имам, заключив по совету Джамалдина с наместником русского царя на Кавказе генералом Н. Н. Муравьевым устное перемирие, отпустил из рук бразды правления и пустил дела почти на самотек. Особое внимание на "бездействия Шамиля во время войны" и осады Карса русскими войсками обратил и сам Муравьев. В своем дневнике он писал: "Многие удивляются, что во время пребывания моего на Кавказе Шамиль и горцы ничего не предприняли, приписывая сие к особенному моему счастью. Явление это в самом деле покажется странным, если не расследовать причины оного. Горцы и Шамиль равно гнушаются подданничества султану и нам, домогаются они только свободы и потому их не могло польстить сближение с союзными державами, старавшимися их к тому времени склонить, да и не постигали они подобного союза".

Часть 3

В войне с Англией, Францией и Турцией Россия потерпела полное поражение. Но союзники предали горцев. В марте 1856 года в Париже был заключен мир, развязавший новому русскому царю Александру II руки для завоевания Кавказа. Россия бросает на Кавказ бесчисленные войска и все средства.

Летом 1856 года к русским бежал знаменитый советник Шамиля Юсуф-хаджи Сафаров, с 1853 года отбывающий наказание в шамилевской ссылке. С конца 1856 года новым главнокомандующим русской армии А. Барятинским было начато широкомасштабное наступление на Имамат. В 1857 году вся плоскость Большой Чечни была занята царскими войсками. В 1858 году были начаты военные действия по завоеванию Малой Чечни и Аргунского ущелья. Вся Чечня была залита кровью и застлана дымом пожарищ. "Чечня горит, имам, иди тушить", - писал в отчаянии Шамилю его наиб Талхиг. Но у метавшегося между наступавшими со всех сторон в Чечню и Дагестан Шамиля уже не было сил. Один за другим к русским переходили наибы: сын Джемалья Чиркеевского, Эски Чартоевский, Саадулла Дышнинский, Дуба Чинхоевский.

6 июля 1858 года Шамиль собрал в Шатое всех чеченских наивов, обратился к ним с призывом мобилизовать все силы против царских войск. В середине июля 1858 года Солтамурад и Байсунгур получили предписания явиться с учеными, почетными людьми и войском на собрание в Шали. Со всей Чечни на площадь у укрепления Шали 16 июля съехались люди. Выступали ученые, наибы и другие известные люди Чечни. Шамиль сказал в своей речи: "Не пугайтесь русских. Я из Ахульго вышел с 7 человеками, а теперь я вот каким сделался с помощью вас. Не думайте, что я вас оставляю без всякой помощи и уеду в горы, нет, я умру здесь, на земле вашей. Вы такие смелые и храбрые. Будьте покойны и ничего не бойтесь".

Имам, его сын Гази-Мухаммед и наибы поклялись в том, что лучше погибнуть, сражаясь против царских войск. Затем по приказу Шамиля все наибы, ученые и сотенные начальники вместе с другими людьми поклялись, что будут сражаться с русскими. После общей клятвы люди вновь воодушевились. Шамиль сказал: "О народы и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вам говорю истину. Я не требую от вас денег, нет, желание мое, чтобы вы сражались с русскими и не имели бы с ними никаких сношений, и, ей-богу, они не имеют никакой другой цели от этих бедных жителей Чечни и Дагестана, расточая столько денег и погубляя солдат, как только то, чтобы брать вас в солдаты, а жен ваших в матушки (т. е. русские женщины.- Х. Д.), они отберут у вас оружие и даже не позволят иметь ножа. Всех почетных ваших сошлют в Сибирь, и вы будете после того как мужики. Вы подождите немного и увидите, что будет после, и вы будете раскаиваться и грызть себе пальцы, но ничего вам тогда уже не поможет.

В августе 1858 года шатоевцы покорились русским. В сентябре того же года их, раненый наиб Батука сдался царскому военному командованию. В январе 1859 года царский отряд генерала Евдокимова начал наступление по ущелью р. Басса на Тевзана и оттуда на столицу Имамата Ведено. Не полагаясь только на силу оружия, царское военное командование привлекло средства агитации. Среди чеченцев были распространены прокламации на арабском и русском языках: "Прокламация чеченскому народу: объявляю вам от имени Государя-Императора, 1) что правительство Русское предоставляет вам совершенно свободно исполнять навсегда веру ваших отцов; 2) что вас никогда не будут требовать в солдаты и не обратят вас в казаков; 3) даруется вам льгота на три года со дня утверждения сего акта, по истечении сего срока вы должны будете для содержания ваших народных управлений вносить по три рубля с дома. Предоставляется, однако, аульным обществам самим производить раскладку этого сбора; 4) что поставленные над вами правители будут управлять по шариату и адату, а суд и расправы будут отправляться в народных судах, составленных из лучших, людей, вами самими избранных и утвержденных начальством; 5) что права каждого из вас на принадлежащее вам имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и планами в неотъемлемое владение ваше. Подлинную подписал главнокомандующий Кавказской армией и наместник Кавказа генерал-фельдмаршал князь Барятинский".

Многие чеченцы и наибы, разуверившиеся в Шамиле, наивно ухватились за эти прокламации, как за действительное обещание райских благ, и сами прибавляли от себя многие льготы, якобы обещанные русским царем. Несмотря на сопротивление чеченцев и дагестанцев, многочисленные царские войска 8 февраля 1859 года, расчистив от лесов все пространство от Тевзана до Элистанжи, вышли к укреплению Ведено. В ту же ночь наибы собрались в доме Шамиля и просили его чтобы он ушел из Ведено. Шамиль согласился удовлетворить их просьбу и, оставив в Ведено своего сына с 3509 воинами и 13 наибами, сам с приближенными и некоторыми наибами ушел в Эрсеное. В течение 20 дней Евдокимов вел подготовку штурма Ведено. Каждый день шли перестрелки и схватки. В Эрсеное Шамиль получил известие, что на сторону русских перешел наиб Большой Чечни Талхиг, взяв на себя охрану от мюридов дороги от Шали к Ведено. Шамиль не ожидал предательства от Талхига, которому доверял чрезмерно, и даже женил на его дочери своего старшего сына. 1 апреля после кровопролитного штурма царские войска захватили Ведено. Горцы отступили в Харачой.

После захвата Ведено Шамиль, потеряв всякую надежду на возвращение Чечни, ушел в Старое Дарго. С ним был лишь один чеченский наиб Осман. И все же Шамиль сделал последнюю отчаянную попытку.

1 апреля он приказал чеченцам вновь собраться в Эрсеное. В отчаянии Шамиль взывал к гордости чеченцев: "Во всем Дагестане храбрее вас нет, чеченцы! Вы свечи религии, опора мусульман, вы были причиной восстановления ислама после его упадка. Вы много

пролили русской крови, забрали у них имения, пленили знатных их. Сколько раз вы заставляли трепетать их сердца от страха. Знайте, что я товарищ ваш и постоянный ваш кунак, пока буду жив. Ей-богу, я не уйду отсюда в горы, пока не останется ни одного дерева в Чечне".

Но окончательно разочарованные в имаме чеченцы, уже не видя никакой пользы в его речи, оставили его и разбрелись по домам. Их не могла остановить даже яростная речь Байсунгура и Солтамурада, призывавших не верить лживым обещаниям царских военачальников и сплотиться для защиты родины. Шамиль, потеряв всякую надежду, возвратился с приверженцами в дагестанское селение Ичича.

На сторону русских перешли Эдил Веденский и Умалат Ичкеринский. 5 апреля изгнали наиба и покорились чеберлоевцы. 12 апреля изъявили покорность ауховские чеченцы. Все покорившиеся горцы тут же под конвоем царских войск переселялись на плоскость для надзора. Не встречая сопротивления, русские войска вошли в центр Ичкерии аул Центорой и расположились на священной для чеченцев горе Кхеташон Корта. Сюда начали стекаться делегации старейшин из окрестных сел с изъявлением покорности.

13 мая 1859 года вся Чеченская область Имамата была завоевана, за исключением отдельных высокогорных ичкеринских аулов Ауховского наибства (Зандак, Симсир и др.) и Беноевского общества. В июне, однако, эти аулы подчинились и прислали царскому военному командованию свои делегации. Единственным непокорным островком Чечни осталось Беноевское общество. От беноевцев царское командование так и недождалось делегации. Сюда, в беноевские лесные дебри, стекались со всех концов Чечни все непримиримые враги российской империи. Временной администрации окрестных селений прямо предписывалось прекратить все контакты с Беноем, пленить и уничтожить беноевцев. Пожелания царского военного командования, однако, не выполнялись чеченцами. 4 июля 1859 года чеченская депутация почетных лиц, среди которых были бывшие наибы Талхиг, Эски, Эди, Дуба, Умалат, явилась в крепость Грозную и поздравила князя Барятинского по поводу взятия Ведено. Перешедшие на сторону русских наибы получали царские чины, награды и назначались наибами тех же участков, где когда-то они служили Шамилю. Царское правительство вело с ними довольно тонкую игру, стараясь на время укрепления своих позиций в горах не вызывать недовольства горцев. Байсунгур с родственниками, следуя своему обету газавата и присяге на верность имаму, двинулся на помощь Шамилю, в горный Дагестан. Солтамурада он оставил в Беное для организации сопротивления царским войскам.

Но в Дагестане происходил массовый отход от Шамиля. Дагестанские наибы переходили на сторону русских один за другим. Перешел к русским и чеченский наиб Осман, ушедший с Шамилем в Дагестан. Шамиль, теснимый многочисленными царскими войсками, покинутый и ограбленный своими соотечественниками, с остатками наиболее преданных мюридов (около 300 человек) укрепился на горе Гуниб. 26 августа 1859 года

имам, под давлением родных поверив обещаниям русских, что Шамиля с его людьми беспрепятственно отпустят в Мекку, прекратил сопротивление и сдался царским войскам. Раздраженный и глубоко разочарованный в Шамиле, Байсунгур с двумя сыновьями и десятком товарищей, пробираясь через кишевший солдатами и милицией покоренный Дагестан, в сентябре вернулся в Беной. В Беное он поведал Солтамураду и родичам о том, что было в Гунибе, о том, как сдался Шамиль. При упоминании имени Шамиля Байсунгура начинало трясти от ярости и в адрес бывшего имама сыпались проклятия. Мрачный Солтамурад молча слушал своего друга. Оба, они были едины во мнении, что Шамиль, как и остальные наибы, трусил и предал общее дело борьбы за свободу.

Передышка была недолгой. Освободившиеся от войны войска начали стягивать к Беною. По данным лазутчиков, в ауле Беной насчитывалось 280 семейств. По распоряжению начальника Терской области генерала, Евдокимова осенью 1859 года царские войска окружили Беной и сожгли его, а жители аула Беной "были расселены по окрестным аулам". Другие же беноевцы во главе с Байсунгуром и Солтамурадом, сопротивляясь, отошли в леса, откуда продолжали борьбу. В наказание за непокорность беноевцы-выселенцы были, лишены своих земельных угодий, которые перешли в пользу российской казны. Но по приближению поры весенне-полевых работ, переселенцы из аула Беной, невзирая на запрет, самовольно вернулись на свои прежние места. Помощник главнокомандующего Кавказской армией князь Орбелиани сообщал об этом военному министру России Сухозанету: "В ночь с 7 на 8 мая 50 беневских семейств, высленных в аул Даттых и поселенных у нефтяных колодцев, внезапно оставили эти места и ушли снова в Беной". Само явление неподчинения царскому военному командованию в условиях послевоенной разгромленной, деморализованной и покоренной Чечни уже было дерзким вызовом царизму и вызывало большую обеспокоенность русской администрации. А ведь совсем недавно начальник Чеченского округа полковник Беллик успокаивающе писал командующему войсками Терской области: "В Азамат-Юрте я застал чеченцев, переселившихся из аулов Акбулат-Юрта, Хамат-Юрта, Джаба-Юрта и Умахан-юрта в числе 90 дворов". После того как им был передан приказ генерала Евдокимова немедленно возвратиться в те аулы, куда их определило начальство, "народ без малейшего сопротивления запряг свои арбы и отправился обратно",- констатировал с удовлетворением Беллик. Упрямые же беноевцы не подчинились приказу начальствующих лиц Ичкеринского округа и Терской области. Все увещевания и даже угрозы оказались тщетными, ибо представители беноевского общества, по словам генерала Евдокимова, "выбрав из среды своей предводителя, обязались не повиноваться".

Предание рассказывает о том, что решение о начале газавата было принято в беноевской мечети. Речь Солтамурада была краткой, но жгучей. Его поддержали одноглазый Джаапар сын Мусхи, Бира сын Баршкхи, Арб сын Хуха, Тимарка сын Болата и другие. Последним выступил Байсунгур. "Нам лучше сейчас погибнуть, чем, покорившись, сдаться царской власти", - постановило собрание беноевцев. И тут совершенно неожиданно раздался

одиноким голосом: "Нам надоела война, мы хотим жить спокойно, помирившись с царской властью". Стоявший до этого безмолвно брат Солтамурада могучий Муна, резко схватив за шиворот пораженца, поднял его и через головы сидящих в мечети людей вышвырнул вон, сказав: "Там твое место". Закравшееся было в сердца некоторых сомнение быстро улетучилось. В тот же день все жители становятся под знамя газавата. Вновь подняли зеленое беноевское знамя с белым полумесяцем и перекрещенными шашкой и кинжалом над белой полосой. Через два дня был образован сильный вооруженный отряд. Руководителями беноевского восстания стали Байсунгур и Солтамурад.

В мае 1860 года беноевцев поддержали только в Аргунском ущелье соратники бывших шамилевских наибов Умы сына Дуя из Зумсоя и кадия Атабая - муллы сына Ати. Восставшие беноевцы стали готовиться к обороне, укрыв свои семьи, хлеб и скот в неприступных горных местах, а сами сосредоточились в дремучих беноевских лесах, расположенных у между реками Ямансу и Аксаем (Ясса). Поначалу восставшие не предпринимали наступательных действий. Часть жителей еще надеялась, что царские власти оставят их в покое и все разрешится мирным путем. 26 мая полковник Беллик сообщил генералу Евдокимову: "У князя Темир-Булата были на днях ичкеринцы, которые рассказывали, что беноевцы убедительно просили дозволения селиться им на старых местах, в противном случае они все поклялись умереть, но не подчиниться". Ультимативное требование беноевцев оставить их в покое различные посланцы царской администрации, получившие задание склонить беноевцев к покорению, передавали по своему. Так, 27 мая полковник Беллик писал Евдокимову: "Теперь посланные к беноевцам маюртупинский старшина Цимако и его же аула купец Таша (бравшие с собою и Магомедом из Шуны) возвратились и говорят, что все мужчины и женщины просят у Вашего Сиятельства прощения и дозволения им возвратиться на свои места". Однако настроим раздраженных беноевцев был далеко не таким, каким его представляли в своих выдумках царские парламентарии.

Усилиями Солтамурада к беноевскому восстанию начали присоединяться его единомышленники в окрестных аулах. В Беной прибыли 21 человек из Центороя, 11 человек из Энгеноя, 3 человека из Гендергена, 1 человек из Зандак-Ара, 4 из Даттаха, 5 из Хьочи-Ара. К восставшим присоединились аулы Байтарки и Симсир. Во главе симсирцев стоял Беза-шейх (Геза-хьяьжа) - дядя будущего имама, Алибека-хаджи Алдамова. В восстании участвовали и его братья. К июню 1860 года к движению беноевцев присоединились соседние аулы Ичкерии. Этим же летом почти вся Чечня была охвачена восстанием.

Восстание перекинулось в горный район Дагестана. Хотя на подавление восстания были двинуты регулярные войска с участием местной постоянной милиции, тем не менее русским властям не удалось сломить сопротивление горцев.

Во главе с Байсунгуром и Солтамурадом повстанцы смело вступали в бой с крупными

военными силами, отбивали их атаки, переходили в наступление. Под их натиском в июне 1860 года регулярные карательные войска были вынуждены отступить. Старики рассказывают, что в Беной были направлены царские войска во главе с генералом Мусой. Четырежды между беноевцами и царским войском произошло сражение. Из Энгеноя войско достигло пограничного беноевского местечка Пхачу, где рос густой лес. Солтамурад повел беноевцев на газават в этом лесу. Вместе с ним были и его друзья: Олдам с братьями из Симсира, Шаарани из Энгеноя и другие. После сильного сражения и резни, в которой беноевцы одержали победу, царские войска с большими потерями отступили. В этом бою брат Солтамурада Ханмурд получил тяжелую сквозную штыковую рану. Серьезное поражение царских войск дало Беною 8 месяцев спокойной свободной жизни. Воодушевленные победой повстанцы перешли в наступление. Ряд укрепленных мест был захвачен восставшими.

После этого к ним стали стекаться обездоленные крестьяне различных районов Чечни и Северного Кавказа. Некоторые кумыкские князья, которые были в значительной мере ущемлены в экономическом и политическом отношении царским правительством, помогали восставшим. По словам начальника Чеченского округа полковника Беллика, кумыкские князья поставляли восставшим чеченцам "порох, свинец, хлеб и разные материалы для одежды". Из среды кумыкских князей, "сильно старавшихся возмутить" Чечню, особенно выделялся князь Али-Султан, "пославший 6 значков (флагов)" повстанцам и обещавший им поднять восстание в Кумыкии. Приняло угрожающий характер и восстание в Аргунском округе. Начальник Аргунского округа майор Штанге в своем докладе начальнику Терской области жаловался, что аппарата управления в округе не существует, все должностные лица (адъютанты, кадий и народные судьи) разбежались и никто не желает исполнять должности, "не имея ни сил, ни власти, ни средств, необходимых для восстановления тишины и порядка..."

Царское правительство бросило на подавление чеченского восстания огромные воинские силы: 46 батальонов пехоты, три донских полка и один драгунский полк. К концу 1860 года царским военачальникам удалось подавить восстание на Аргуне. Но руководителям восстания Уме-Дуеву и Атабаю Атаеву снова удалось укрыться в лесистых горных ущельях.

В начале января 1861 года против восставших выступили соединенные войска Терской и Дагестанской областей под командованием генерал-майора Муссы Кундухова, которому было приказано разгромить беноевцев, захватить их руководителя Байсунгура, выселить на плоскость жителей Энгеноя, а другие аулы верхней Ичкерии разорить и жителей расселить по соседним крупным аулам. В конце января 1861 года царскими войсками восстание в Ичкерии было разгромлено, около 15 аулов, причастных к нему, уничтожено. Самые непримиримые повстанцы ушли в беноевские леса. Беной вновь был сожжен, а его жители 29 января 1861 года в числе 1218 человек были высланы и расселены по 5 - 10 дворов в указанные им плоскостные селения Чечни. Войска же продолжали блокировать леса с целью окончательного уничтожения повстанцев. 17

февраля 1861 года был окружен и после боя захвачен в плен руководитель восставших Байсунгур со своим семейством и некоторыми участниками восстания. 28 февраля генерал Кемпферт рапортовал в Петербург военному министру генералу Сухозанету: "...несмотря на отчаянное сопротивление, взяли в плен Байсунгура и четырех его сподвижников... захвачены также семейства Байсунгура и Султан-Мурада - всего 14 человек".

Рассказывают, что той ночью Солтамурад увидел странный сон, которым он утром поделился с Байсунгуром. "Байсунгур! Я видел один сон, что ты, не слушая моих предостережений, вошел в какой-то темный лес. А я во сне был очень недоволен, ведь не было ни разу, чтобы ты сделал вопреки моему мнению. К чему бы это?" Байсунгур, наклонив голову, задумался. В этот день их окружили царские солдаты. Байсунгур на коне, вырываясь из окружения, помчался к одному склону, не слыша крика Солтамурада: "Не иди туда, там засада!" На том склоне, осыпаемом выстрелами, конь Байсунгура, поскользнулся. Байсунгур упал на растущие внизу кустарники и сильно ушибся. Он тут же был схвачен царскими солдатами. Были схвачены и те, кто был с ним. Поймали также жену Муни с сыном Гарда и грудным Гарби на руках. В тюрьме в Хасав-Юрте, они содержались до повешения Байсунгура.

Потомки брата Байсуйгура Баршкхи рассказывают, что русские сумели пленить Байсунгура, применив коварство. К его жене, которая была родом из Белгатоя, они подослали ее родственников. Ее родичи, поверив обещаниям русских начальников, стали уговаривать жену Байсунгура, чтобы она помогла пленить своего мужа для его же пользы. "Русские начальники обещали отпустить и помиловать всех. Но Байсунгур, не желая примириться, мучает и себя, и свою семью, и других. Борьба его бесполезна. Так помоги же ему и своим детям". Обманутая женщина сделала так, как ее научили. Ночью она залила воду в стволы винтовки, пистолета и в ножны. В зимней стуже вода превратилась в лед. Узнав через нее о месторасположении Байсунгура и его соратников, царские солдаты окружили их. Во время боя Байсунгур так и не смог ни выстрелить из ружья, ни вытащить из замерзших ножен клинок. Лошадь под ним была убита, и раненым однорукого, одноногого и одноглазого Байсунгура схватили солдаты. Солтамурад, однако, со своими соратниками сумел прорваться через окружение и с беноевцами ушел на Аргун, где стал одним из руководителей аргунских повстанцев. Байсунгур был предан военно-полевому суду и весной 1861 года повешен в Хасав-Юрте. Другие же участники восстания, в том числе его сыновья Алхазур и Тахир, были сосланы в Россию.

К осени 1861 года новый начальник Терской области князь Святополк-Мирский организовал большую экспедицию против Умы Дуева, Атабая Атаева и Солтамурада Солумгириева. В нее были включены значительные военные силы, состоявшие из 15 батальонов пехоты, 7 сотен казаков, одного дивизиона драгун, 10 сотен Терского и Дагестанского коннорегулярного полков, 9 сотен постоянной милиции и до 3 дивизионов артиллерии. Кроме чисто военных мер Святополк-Мирский ловко использовал против

восставших силу давления со стороны верхов плоскостной Чечни. "Эти последние меры, - писал он, - более способствовали нашим успехам, чем сила нашего оружия".

14 ноября 1861 года Атабай Атаев добровольно явился в укрепление Шатой и сдался лично князю Святополк-Мирскому. Окруженный со всех сторон отрядами царских войск, которые продвигались в горные ущелья, прорубая в лесах просеки, лишившийся своих приверженцев, 14 декабря 1861 года явился к Святополк-Мирскому и Ума Дуев. По свидетельству князя, Ума Дуев отличался "замечательными духовными качествами и способностями". Будучи раненым, был взят также Солтамурад из Беноя. Часть же соратников Солтамурада укрылась в аргунских аулах, основав впоследствии аул Бена у с. Шатен-Кале.

Часть 4

В середине декабря 1861 года восстание было подавлено окончательно. Руководителей восстания немедленно сослали: Атабая в город Порхов Псковской губернии, Уму - в Смоленск. Неукротимый же Солтамурад сумел бежать из плена и, вернувшись домой в беноевские леса, стал абреком. Братья Солтамурада Муна и Ханмурд с семьями, выселенные из Беноя, жили в Урус-Мартане. Но уже через год Муна убил в городе одного начальника, речь которого изобиловала оскорблениями в адрес чеченцев. Бросившись в реку Сунжу, Муна сумел спастись в наступивших сумерках. На следующий день еще до рассвета Муна уже работал в поле с братом. Но павшее на него подозрение вынудило его с братом и семьями, бежать в Беной, в лесах и пещерах которого они скрывались, и стали абреками под началом старшего брата Солтамурада.

Чечня находилась в глубокой апатии и унынии. Лежавшая в развалинах и пепелищах Ичкерия постепенно восстанавливалась. Царские власти подкупали часть горцев, брали их на службу, раздавали им земли и привилегии. непокорных же жестоко репрессировали. Продолжался передел земель, горцев переселяли с места на место, лучшие чеченские земли отбирали в российскую казну для передачи под укрепления, казачьи станицы или местным изменникам.

В январе 1864 года в с. Шали царские власти арестом шейха Кунта-Хаджи и его близких спровоцировали горцев на вооруженное выступление и устроили побоище, расстреляв из пушек толпы мюридов-зикристов, с одними кинжалами и пустыми ножнами двинувшихся на каре солдат. С этого времени чеченцев особенно сильно стали провоцировать к переселению в Турцию. Быстрее ветра распространившиеся среди чеченцев слухи о том, что царские власти собираются их разоружить, переселить за Терек в степи и пески, обратить их в христианство, сделать их казаками и т. д. волновали народ. Русские агенты говорили, что единственное спасение для чеченцев - переселение в благословенную

Аллахом Турцию, где горцев-мусульман ждет рай на земле. В пример приводили закубанских черкесов, которые уже почти все переселились и обласканы самим султаном. Чеченцы даже не могли предположить, что все эти разговоры,- следствие тщательно разработанной секретной операции царских властей по "освобождению" Кавказа от кавказцев. В Чечню срочно перебрасывались с Северо-Западного Кавказа русские войска, чтобы поддержать операцию в случае надобности военными мерами. Солтамурад сумел удержать беноевцев, советовавшихся с ним, от опрометчивого шага. Урус-мартановские беноевцы, начавшие было готовиться к переселению по примеру гехийских (малочеченских) и карабулакских чеченцев после данных им слов отложили сборы. "Настоящие мужчины умирают, защищая Родину, а не спасаются бегством на чужбину. Если начнут переселять силой, будем сопротивляться и умрем все до последнего человека на нашей родной земле", - передавали друг другу слова Солтамурада.

В мае 1865 года отчаянную попытку поднять восстание предпринял зикрист Таза Акмирзаев из с. Харачой. Собрав вокруг себя до 70 сподвижников (в основном, из аулов Харачой, Элистанжи, Хой) 24 мая он, обойдя царский отряд, двинулся к с. Центорой, где на горе Кхеташон Корта, в месте, традиционного совещания чеченцев, провозгласил себя имамом. Но изменники из чеченцев, находившиеся на царской службе, даже не дали царским войскам возможность применить силу, сами подавив восстание и разогнав зикристов. Первый выстрел по восставшим зикристам был сделан главным муллой селения Центорой Арсануко Ходаевым. Усилия царских властей, раздувавшими различия и противоречия между различными сектами, достигли цели.

Восстание было настолько не подготовленным и скоротечным, что Солтамурад даже не успел поддержать их. Летом 1865 года 23 тысячи чеченцев выселились в Турцию. В Чечне наступило затишье. В беспокойной Терской области был установлен "военно-народный" режим, являющийся по сути режимом чрезвычайного положения. Введение новых порядков, усилившийся национально-колониальный и социальный гнет сохраняли напряженную обстановку в аулах. Слишком свежо в памяти было прошлое и ненавистны новые порядки.

В начале 70-х годов возникают слухи о подготовке нового восстания в Чечне. Огромную роль в подготовке восстания на Кавказе начал играть сын Шамиля Гази-Мухаммед, которого в 1871 году отпустили из плена в Османскую империю. Он проводил совещания с паломниками с Кавказа. На одном из таких совещаний присутствовал Алибек-Хаджи Алдамов.

В 1872 году было созвано специальное совещание начальников областей при главнокомандующем Кавказских войск для разработки мероприятий против возможных выступлений горцев. На нем решили усилить укрепления в горах, а также сформировать части из наиболее беспокойных горцев Чечни на своих конях, со своим оружием и вывести их за пределы Кавказа. К 1877 году такие части были созданы. В апреле того же

года чеченский полк направили на закавказский участок русско-турецкого фронта.

После возвращения из Турции в 1874 году Алибек-Хаджи Алдамов передал другу своего отца Солтамураду Беноевскому устное послание от Гази-Мухаммеда и начал подготовку к восстанию. Авторитет Солтамурада был очень велик. В Беное и в других селениях проходили тайные встречи, совещания и сборы единомышленников. Пользуясь данными о том, что скоро должна начаться война России и Турции, Солтамурад и Алибек-Хаджи тайно решили начать восстание в день объявления войны.

12 апреля 1877 года Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. В ту же ночь на 13 апреля Солтамурад и Алибек-Хаджи собрали в местечке Савраган-мохк лесу у аула Саясан 60 человек из разных селений. Друг и секретарь Алибека-Хаджи Гойтукин Расу из Беноя писал: "...собрав тайно людей, Алибек-Хаджи провел заседание. Алибек-Хаджи поднял вопрос о препятствиях, чинимых царем Александром II мусульманской религии и шариату, а также других запретах. В то время царские власти оповестили о том, что в мечетях запрещается читать громко зикры, хаджиям носить халаты и чалмы паломников, а также большим скоплениям людей собираться в толпы для вызывания дождя или иных мест. Люди, присутствовавшие на данном собрании, и особенно Алибек-Хаджи все эти запрещения, несовместимые с шариатом, подвергнули бурному обсуждению, и, договорившись, приняли решение избрать Алибека-Хаджи имамом и, укрепляя его власть, назначить во всех местах его наибов, ровно через две недели в понедельник днем Алибека-Хаджи, раскрыв общий замысел, благословил дело молитвой". Алибеку-Хаджи было всего лишь 27 лет. Поэтому он предложил избрать имамом 70-летнего Солтамурада, опытного администратора, храброго воина и уважаемого в народе человека. Но Солтамурад отказался, сославшись на свои годы, и сам, в свою очередь, предложил избрать имамом молодого, статного, ученого алима и хаджи, сына достойных родителей и племянника шейха Беза-хаджи, Алдаман Алибека. Мнение Солтамурада было решающим. Алибек-хаджи был избран единодушно. Начальником наибов был избран Солтамурад, т. е. он стал главнокомандующим повстанческой армией. Все наибы были молоды, по 23 - 25 лет.

Главными помощниками Алибека в начале движения были его брат Алихан, Дада Залмаев из Чеберлоя, Сулейман из Центороя, Губахан из Теза-Кхала и другие. Число приверженцев имама к 18 апреля было уже около 500 человек. В документе от 21 апреля говорилось: "Все 47 аулов с населением 18 тысяч присоединились к Алибеку. Восставшие перешли через реку Аксай, сожгли ставку в ауле Гордали, и движение перекинулось через реку Хул-Хулау". Одновременно возникло восстание в верховьях, реки Шаро-Аргун в Чеберлоевском обществе.

Русское командование располагало значительными боевыми средствами до 13200 штыков, 2270 сабель и 92 орудия. 19 апреля Терская область была объявлена на военном положении. Начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов приказал войскам

блокировать пути возможного выхода восставших на плоскость.

22 апреля у аула Майртуп на берегу р. Хумиг состоялось сражение между войсками имама Алибека-хаджи и царским отрядом полковника Нурида и полковника Милова. Отчаянные лобовые атаки Солтамурада и других наибов, а также ливень заставили русских отступить. Успех восставших привлек на их сторону качкалыковские селения и аулы верхнего Чанты-Аргуна. В этом большую роль сыграла дружба Солтамурада и старшины аула Зумсой (бывшего наиба Шамиля) Умы Дугева. Медлительность Алибека-хаджи дала возможность царскому командованию подтянуть воинские и казачьи части.

Одновременно были отпущены средства для подкупа лазутчиков и велась усиленная работа по привлечению на сторону царского правительства верхушки чеченского населения. Для этой цели с русско-турецкого фронта был отозван генерал-майор Арцу Чермоев, имевший большой авторитет у богатейшей прослойки Чечни. Был привлечен также престарелый очеченившийся перс полковник Касым Курумов. Оба этих офицера были старыми врагами Солтамурада. Чермоев и Курумов помогали царским войскам покорить Чечню в Кавказской войне, помогали подавить восстание Байсунгура, а теперь испытанные царские слуги вновь были призваны хозяевами.

Впоследствии Курумов за содействие в подавлении чеченского восстания 1877 года получил чин генерал-майора. Видя усиливающуюся мощь царских войск, чеченские старейшины, большинство мулл, крупные землевладельцы, богачи и торговцы начали подавать адреса с заверением своих верноподданных чувств. На рассвете 28 апреля Алибек-хаджи подошел к аулу Шали, но был встречен ружейными залпами сторонников шалинского старшины Борщика Ханбулатова, а также казачьими частями и отступил. Царскому командованию удалось отрезать повстанцев от плоскостной части Чечни. Алибек отступил к Гуни, и затем с небольшой группой ушел в Симсирский лес.

В Чечне сосредоточились крупные силы (84 роты, 9,5 казачьих сотен и 32 орудия). К началу мая в Терской области имелось 28 пехотных батальонов и 6 команд с общим количеством 24409 человек, 16 казачьих сотен в 2261 человек, 11 сотен постоянной местной милиции и 104 орудия. Кроме того, со стороны Дагестана был двинут отряд полковника Накашидзе в 3 тысячи человек. С 10 мая началось наступление на Ичкерия с трех сторон. Но 14 мая неожиданно восстали аварские аулы, и войскам пришлось направиться в Дагестан. Царские войска сожгли аулы, уничтожили посевы и корма, захватили имущество и скот, уничтожали или выселяли жителей на плоскость, но потушенный в одном месте пожар восстания вспыхивал с новой силой в другом.

Царское командование назначило награду за каждого пойманного или убитого повстанца в 25 рублей, а за главных "абреков" - Алибека-хаджи, Солтамурада и Даду Залмаева гораздо больше, надеясь, что расправится с восставшими руками самих чеченцев. Но план этот провалился. 1 июля вспыхнуло восстание в бассовских аулах Хатуни,

Махкеты, Таузен и Агишты во главе с Абдул-Хаджи. Махкетинский старшина Тангир объявил себя наибом Алибека. Восстание охватило и весь Аргунский округ. Во главе стоял Ума-хаджи Зумсоевский.

В августе 1877 года восстание достигло апогея. В Ичкерия были направлены большие соединения царских войск. К началу сентября царское командование мобилизовало в армию 26 тысяч человек. Пять колонн войск генерала Смекалова двинулись, сметая аулы на своем пути. После кровопролитных сражений Алибек с Солтамурадом и небольшой группой соратников отступил в Симсирский лес. Отсюда через своих людей Алибек объявил ичкеринцам: "Я разорил вас, не надейтесь более на меня, пособить вам не могу, делайте теперь что знаете, я с Султан-Мурадом ухожу". Царские войска от Центороя двинулись в Беной, и, разорив его жителей, выселили их оттуда, распределив по нижним селениям. Предатель Бисолтан, спасая свои стада, указал царским войскам тропу к убежищу Алибека. После сражения Алибек и Солтамурад со своими людьми ушли в Дагестан в Согратль к имаму Магомет-хаджи, где продолжили восстание. На обратном пути из Симсира русские сожгли и разрушили Зандак и вторично селение Беной, все до последнего дома, включая и мечети, сравняли с землей. "...И Беной, и Зандак надо выселить поголовно в Сибирь, или, если эти подлецы не пожелают, выморить всех зимой, как тараканов, и уничтожить голодом", - писал с ненавистью о непокорных жителях селений генерал Свистунов. После подавления в октябре восстания в Аргунском ущелье ушел в Дагестан и Ума-хаджи.

16 октября 1877 года Свистунов телеграфировал главнокомандующему, что Терская область "совершенно очищена от мятежников". Посланец сына Шамиля Гази-Мухаммеда Аббаз прибыл в селение Согратль, где находились все руководители повстанцев. Селение это было окружено русскими войсками и дагестанской милицией. Богатеи Согратля, заключив с царским военным командованием тайное соглашение, коварно схватили и выдали русским Уму Дуева, его сыновей и соратников, а также своего односельчанина Магомеда-хаджи. Солтамурад, Алибек со своими родными и сподвижниками сумели вырваться из окружения и ушли в Симсирский лес. Гайтукин Расу писал в своем повествовании "История о том, как Алибек-Хаджи стал имамом": "Когда Алибек-Хаджи находился в этом лесу, друзья Алибека-Хаджи и люди, которым он доверял, оповестили его, что если он придет к властям с миром, то ему оставят свободу. Поверив их словам и пойдя за этими людьми, которые обманули его, он явился к начальнику Веденской крепости. Начальник тот час же приказал схватить его и, заковав ноги и руки в кандалы, отправил в городскую тюрьму". Начальник Терской области генерал князь Лорис-Меликов обманул их, дав честное слово о помиловании всех, явившихся с повинной.

Многочисленные делегации просителей, в том числе просьбы женщин к матери Алибека Хангаз и настойчивые просьбы генерала Арцу Чермоева к отцу Алибека Алдаму вынудили Алибека 27 ноября сдаться, так как, по его словам, он не хотел, чтобы за него страдали его родные и народ. Вскоре явились с повинной и 12 наибов Алибека и были схвачены 262 человека, активно участвовавших в восстании.

6 марта 1878 года в Грозном состоялся военно-полевой суд. Из 17 человек, привлеченных к суду, 11 были осуждены на смертную казнь через повешение. Это были Алибек-Хаджи Алдамов из Симсира, Косум и Нурхаджи из Чичилюх, Тазарка из Туртиотар, Губахан из Тезакхал, Курку из Дишни-Ведана, Лорсан-хаджи из Махкеты, братья Залмаевы Мита и Дада из Чеберлоя, Ума-Хаджи Дуев и его сын Дада из Зумсоя. 9 марта 1878 года в 6 часов утра в городе Грозном на ярмарочной площади приговоренные были повешены и зарыты в общей яме. Приговоренные встретили казнь очень мужественно. По преданию, ночью чеченцы вырыли тело Алибека, и похоронили его на мусульманском кладбище где-то возле Самашек. Жители многих аулов (Симсир, Беной, Зандак, Даттах и других) целиком были выселены на плоскость, а часть во внутренние губернии России. Многие сотни людей были высланы за пределы Чечни.

А что же Солтамурад? Секретарь Алибека Расу писал: "Нужно заметить, что стоявший во главе этих наибов Солтамурад сын Сулумгири из Беноя не примирился с русскими и не пошел к ним. Никому кроме своих родственников не давая знать, где он находится, будучи все время в бегах, так и не примирившись, он заболел и умер, и с очень большими почестями был похоронен на беноевском кладбище".

Солтамурад не смог предотвратить сдачу имама и его наибов в руки врагов. Он отлично знал "ценность" их обещаний. Для него их плен был большим ударом и неожиданностью. Вместе с наибом Сулейманом из Центороя он скрывался в беноевских лесах со своими семьями. Получив известие об аресте руководителей восстания, Солтамурад через своих близких распространил слух о том, что он вместе с Сулейманом ушел в Турцию. На самом деле Солтамурад продолжал скрываться в Чечне.

Зимой 70-летний Солтамурад, скрывавшийся в лесу, сильно заболел. Родные отвезли его в с. Мелчхи, поближе к целебным водам. Больной Солтамурад в тоске о своих соратниках часто слушал одну и ту же песню:

*В темном том лесу с холма высокого
Волчий вой услышав, думали,
Что воет он, изнуренный голодом от горячей утробы,
Для добычи вечера страстно дожидаясь.
Нет, не выл он, изнуренный голодом,
Для добычи вечера страстно дожидаясь,
А выл он, от стаи отбившись.
Так и молодцы тоскуют, от друзей оторванные.*

...Солтамурад умирал молча, без страха и стонов. В его воспаленном мозгу проносились прошедшие годы бесконечной жестокой борьбы за независимость, сражения и битвы, горе и страдания. Перед его взором из тьмы выходили то шейх Ташу-Хаджи, то

обезображенный Байсунгур, то имам Шамиль, Умахаджи и Алибек. Они молча смотрели на Солтамурада. И тут Солтамурад, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, оглянулся. Это был его отец Солумгири. Солумгири строго посмотрел на сына и произнес: "Что разлегся? Вставай и прими газават!"

Сердце Солтамурада гулко забилося. Он вскочил с постели, машинально схватив со стены клинок. "Я - Аллах!" - были его последние слова... Весть о смерти Солтамурада мгновенно разлетелась по окрестностям, став достоянием царских властей. По преданию, спешно прибывший царский отряд окружил Мелчхи (Истису). Уважив славу мужественного чеченца, царский генерал приказал положить тело Солтамурада на могилу святого Асандара, где продержал его трое суток. Затем наместник разрешил его похоронить. Родные отвезли Солтамурада в Беной, где похоронили с большими почестями. Через три года было найдено письменное завещание Солтамурада, где он просил похоронить его на своем фамильном кладбище. Тело Солтамурада вырыли и похоронили на том кладбище, которое он указал, на повороте от Беноя в Гуьржийн-Мохк.

Такова была славная судьба негибаемого борца за свободу Чечни Солтамурада Беноевского.